

ПЁТР КОСТЮКЕВИЧ

*В МОЕЙ
РОДИМОЙ СТОРОНЕ*

(СБОТНИК СТИХОВ)

П. Костюкевич
1955

Государственное учреждение культуры
«Шарковщинская централизованная библиотечная система»
Центральная районная библиотека
Отдел обслуживания и информации

ПЁТР КОСТЮКЕВИЧ
В МОЕЙ
РОДИМОЙ СТОРОНЕ
(сБОТНИК СТИХОВ)

Шарковщина, 2025

ББК 84 (4Бен) 6
К72

*В оформлении обложки использована иллюстрация картины
П.П. Костюкевича «Дорога домой»*

Костюкевич, П. В моей родимой стороне : сборник стихов / Пётр Костюкевич // К72 ГУК «Шарковщинская централизованная библиотечная система». Центральная районная библиотека, отдел обслуживания и информации. – Шарковщина, 2025. – 89 с.

Сборник «В моей любимой стороне» знакомит со стихами Петра Костюкевича, ветерана Великой Отечественной войны, партизана-разведчика, самодеятельного художника и поэта-земляка, в которых автор воспевает красоту и величие родного края. Читателю интересно будет познакомиться и с автобиографическим очерком «Просто о себе».

Адресуется преподавателям, учащимся, библиотекарям, всем, кто интересуется литературным творчеством земляка.

Я болел грустью журавликой,
что снова осенью пришла...
И огненная гроздь рябины
листву охристую прожгла.

Теперь всё реже юность снится,
в другое я смотрю око,
и был ромашкового цвета
уже разведлив давно.

Я болел грустью журавликой
не день, а многие года...
Знай заповедный мой родимый
я не забуду никогда.

И не оставлю я в обиде
его, живя в других краях;
о том, что полно и что видел,
поведу в своих стихах.

А. Костюков

ПРОСТО О СЕБЕ

Никогда не исчезнет из памяти моей родная деревенька Шити. Расположена она между двумя болотами-мхами в тихом уголке северо-западной части Витебщины. Здесь я и родился в 1926 году.

С восьми лет начал помогать отцу в крестьянской работе. Летом пас в полях коров, свиней и овец, осенью и зимой ходил в сельскую школу. Польский учитель и художник Юзеф Юхневич, живший через дорогу на квартире у дяди Тараса, заметив мою склонность к рисованию, давал мне дополнительные частные уроки. Он очень доходчиво и умело вёл уроки в школе по истории и особенно по литературе, чем и развил во мне любовь к поэзии. Моими первыми любимыми поэтами были Адам Мицкевич, Ян Каспрович и Леопольд Стафф. Позже — белорусские поэты Янка Купала, Якуб Колас, Максим Танк и наш близкий земляк Михась Машара.

Я любил закаты на родине, когда последние лучи солнца зажигали несгораемым огнём соломенные крыши хат. Наступали сумерки, и над заречной деревней Зяблины медленно выплывал огромный медный таз луны, долго висел над крышами, а я на пороге хаты ел молочную затирку и смотрел на это сказочное зрелище. Рядом со мной был всегда наш хромой дворовый пёс Букет, и, когда я поворачивал голову в сторону луны, он незаметно и быстро помогал мне справляться с едой...

А потом снова приходило утро, пробуждалась пыльная деревенская улица. Мычали коровы, блеяли овцы, хрюкали свиньи, выгоняемые в поле, а за стеной нашей хаты, где начинался выгон, трубил в свою длинную трубу старший пастух Немирский Янка. А после уже улица заполнялась тележным скрипом колёс, запахом дёгтя, укропа и звоном вёдер у колодцев...

Вспоминается, как в один из тёплых дней на пар вывозили навоз, чтобы под озимые выпахать поле. Нас несколько пацанов водили лошадей. По узенькой полевой дороге шла моя лошадь с наполненной навозом телегой, а слева дороги тянулась глубокая и широкая канава. Я шёл с левой стороны телеги и правил лошадьё. Под полдень всё злее и злее наседали на лошадь оводы и больше жужжащие мухи. Лошадь моталась, отбивалась от них головой и хвостом. И только я перешёл на правую сторону телеги, как вдруг лошадь резко пригнула вправо, тяжёлая телега с навозом накренилась влево и рухнула в глубокую канаву. Лошадь не удержалась и скатилась за ней, сломав оглоблю...

Какое-то чутьё избавило меня от верной гибели. Шёл бы я с левой стороны телеги, то наверняка был бы похоронен под тяжестью навоза и телеги...

Из соседних нив прибежали мужчины, освободили лошадь и вытащили телегу, а мне дали соответствующее назидание, «чтобы не раскрывал рот»...

Наша хата стояла на краю деревни. В те годы ближе к осени начинали стекаться в деревню разные странники, нищие, бабки-побирушки, торговцы мелкими товарами, цыгане... И всегда кто-нибудь из этих пришельцев оставался в нашей хате на отдых с ночёвкой...

В сентябре 1939 года по нашим дорогам прошли части Красной Армии. Народ торжественно встречал родных братьев. Деревни ликовали. Повсюду бурно проходили митинги. На домах развевались красные флаги. Мы, пацаны, за пять километров бегали на тракт смотреть, как двигались грузовики, тракторы-тягачи, танки, как шли

запылённые, но бодрые пехотинцы. Утвердилась советская власть, пришло новое руководство, появились органы НКВД. В 1940 и весной 1941 года начались массовые вывозы в отдалённые районы России польской интеллигенции, а потом и наших советских активистов, очень честных и преданных делу революции людей... Народ был в недоумении. Люди присмирели, стали недоверчивыми, говорили многие шёпотом, что скоро будет война...

Я учился в районной Шарковщинской НСШ. Жил в интернате, а напротив, через дорогу, на частной квартире жил поэт Михась Машара, работавший тогда в РОНО. Я ему часто по утрам приносил из киосков свежие газеты. Он мне дважды вручал призы за районные выставки художественного творчества школьников. Помню, весной 1941 года он мне сказал, что РОНО готовит материалы, чтобы осенью направить меня в художественное училище и просил отобрать несколько лучших рисунков. С осени 1939 года мои рисунки часто печатались в республиканской газете «Пионер Беларуси».

Война перечеркнула все ожидания. Вероломно напавшие фашисты через неделю прошли по нашим дорогам. Подняло головы разное отребье, и появились первые полицаи с белыми повязками на рукавах.

Оставшиеся комсомольцы нашей деревни и соседних сёл стихийно договорились немедленно пойти в местечко Иоды и спрятать имущество средней школы, чтобы оно не досталось фашистам. До школы было 7 км. По дороге примкнул к этой группе и я с братаном Витькой. Когда мы подошли к школе, то убедились, что она уже разграблена. Двери были раскрыты. Выбито несколько окон, в коридоре валялся разбитый глобус. Мы пошли обратно. Полицаи за нами уже следили. Как только мы оказались за пределами местечка, на ржаном поле к нам наперерез бежала группа полицаев с винтовками. Раздались выстрелы. Над нашими головами просвистели пули. Старшие парни кинулись в правую сторону, к дороге, а мы с Витькой бросились в глубь ржаного поля, к перелеску. Долго бежать мы не смогли. Нас окружили полицаи и начали избивать. От них несло самогоном. Один из полицаев сказал: «Этих пацанов расстрелять, они хотели сжечь школу, чтобы нашей новой власти не досталась...»

И нас повели по узкой полевой дорожке к перелеску. От сознания, что меня через несколько минут не станет, закружилась голова, ноги стали ватными и я дальше не мог идти. Виктор плакал, у него из носа текла кровь. Щёлкнули затворы... И вдруг, как из-под земли, вырос высокий светлый парень с пистолетом в руках, с белой повязкой на рукаве. Он остановил полицейских, спросил наши фамилии и откуда мы, а потом крикнул: «Быстро убирайтесь!..» Я не мог быстро идти, ноги неповиновались, и меня вёл Виктор. После этой встряски я некоторое время болел, но, когда в нашей окрестности появились первые партизанские группы, начал активно сотрудничать с партизанами. Я стал связным разведчиков Семёна Ивковича и Ивана Макаренко из отряда «Спартак».

Когда в дальнейшем моему прибыванию в деревне грозила опасность, я ушёл в бригаду и был зачислен конным разведчиком штаба партизанской бригады «Спартак». Участвовал во многих боевых операциях, писал стихи и делал карандашные рисунки. В моей полевой сумке всегда лежали два блокнота: один со стихами, другой – с рисунками. Весной 1944 года в районной партизанской газете «Красное Знамя» были опубликованы мои первые стихи.

В июле 1944 года, для встречи частей Красной Армии, командование бригады направило группу разведчиков. Старшим группы был начальник разведки штаба бригады Семён Миленцевич. В состав этой группы входил и я. На шоссе Шарковщина – Козяны мы встретили наших танкистов и проводили их до Козян, Армейский батальон майора Самсонова и партизаны нашей бригады вели бой за районный центр Видзы. Шли уличные бои. Большая группа фашистских войск пробивалась из окружения с севера по дороге Видзы – Шауляй. Фашисты упорно наседали, горело много зданий. Группа солдат батальона и нас трое партизан вбежали в открытую дверь пустого кирпичного одноэтажного дома. Вдруг в угол дома ударил немецкий снаряд и меня взрывной волной отбросило к противоположной стене. Я потерял сознание, пришёл в себя уже на траве во дворе дома. Семён Миленцевич помог мне встать, вокруг шла суматошная стрельба. По улицам полусогнувшись у заборов шли солдаты и партизаны, непрерывно взывали пули, рвались снаряды. Мы временно покидали Видзы... Через сутки, когда подошли основные части Красной Армии, мы снова вступили в райцентр.

После расформирования нашей партизанской бригады, некоторое время был в истребительном отряде НКВД, а потом — уполномоченным от райкома комсомола по Дубровскому сельсовету. В конце 1944 года ушёл в Армию.

Моя армейская служба началась в запасном полку на станции Шексна. Потом служил в Грязовце, Вологде, Печенге, Луостари, Коле и Петрозаводске. В запасном полку моим командиром отделения был ефрейтор Сердюк, молодой властолюбивый и жестокий человек. При каждом его появлении надо было вставать перед ним навтыжку и отдавать честь. Опустив руки в карманы, я как-то стоял задумавшись и смотрел в окно. Неожиданно передо мной появился ефрейтор, объявил мне наряд вне очереди и приказал зашить карманы. Ночью я мыл пол в казарме, а с зашитыми карманами ходил пока не перевели в другую роту.

Запомнился мне с тех пор ещё и такой случай. Группа белорусов польского происхождения отказалась от принятия воинской присяги, мотивируя тем, что они являются гражданами Польши и просили командира роты, чтобы тот посодействовал о переводе их в польскую армию, недавно созданную на территории СССР. Командир роты с ответом замешкался, тогда командир взвода лейтенант Колодяжный пришёл в выходной день в казарму, засел в канцелярии и начал вызывать по одному на проработку этих парней. Польские парни выбегали из канцелярии с синяками, один с окровавленным носом, другой с выбитым зубом...

Белорусы польского происхождения написали просьбу в генеральный штаб Красной Армии о том, чтобы их направили для прохождения дальнейшей службы в Войско польское. Через некоторое время просьба их была удовлетворена, а лейтенант Колодяжный был переведен в другую часть...

Несмотря на многие трудности, тяготы и лишения, на послевоенную длительную срочную службу, на тупость, консерватизм и своеволие отдельных командиров, в Армии я прошёл большую школу жизни. Окончил школу младших командиров, курсы политработников и библиотекарей, был командиром отделения, пом. комвзвода, старшиной роты, комсоргом батальона, зав. библиотекой.

По своему убеждению, я – интернационалист. Черта эта выработалась с детства, когда я жил и учился среди русских, белорусов, поляков, евреев и других

национальностей. Партизанство и служба в Советской Армии окончательно укрепили эту черту.

В 1953 году, уволившись в запас из Армии, я поступил на работу в художественную мастерскую Петрозаводска. Одновременно занимался в студии рисунка и живописи при республиканском Доме народного творчества. В 1958 – 1960 гг. учился заочно на изо отделении при Доме народного творчества им. Н. К. Крупской в Москве. 33 года я проработал художником-оформителем, у меня выработался свой стиль в оформительской работе, своя манера письма в живописи, своё настроение в рисунке, своё понимание и отношение к искусству. Мои любимые цвета – красный и зелёный – цвета борьбы и жизни, революционной правды и постоянства.

Стихи писались с перерывом. Активная работа над стихами началась в начале 1970 годов. Мои стихи печатались в газете Северного военного округа «Патриот Родины», во многих белорусских и карельских районных и республиканских газетах, в журнале «Север», в двух коллективных сборниках.

Рисунки печатались также во многих местных газетах, в еженедельнике «Литературная Россия», в журнале «Пуна-липу», «Рабоче-крестьянский корреспондент» и других изданиях. Моим первым литературным консультантом был известный карельский поэт Б. А. Шмидт. Из заочных газетных консультаций наши отношения с ним переросли в деловые, по-человечески дружественные. В 1983 году на секции поэзии при союзе писателей Карелии обсуждалась моя первая рукопись стихотворного сборника «В дороге». В работе над ней большую помощь оказали мне опытные поэты старшего поколения Б. А. Шмидт и А. И. Титов. Рукопись была рекомендована для печати. Но недоброжелательные и двурушнические работники издательства «Карелия» повернули своё чёрное дело так, что рукопись лежит до сих пор в моём письменном столе...

Я по-крестьянски трудолюбив и прямолинеен. Мне чужды и ненавистны подхалимы, угодники и стукачи. Мне дорога моя далёкая и близкая тихая родина, её настоящее и прошлое, её военные утраты и лишения, поэтому партизанская тема никогда не уйдёт из памяти моей, не станет забвением.

Стихи мои просты, как правда жизни. Может, кому-то они покажутся прозаичными, но в них – штрихи моей биографии и поэтому они мне дороги.

Июнь 1985 года,
Петрозаводск.

П. Костюкевич

БЕЛОРУССИИ

С юных лет полюбил я поля
и берёзы у пыльных дорог.
Сердцу любя родная земля;
с ней не знаешь тоски и тревог.

Белоруссия!

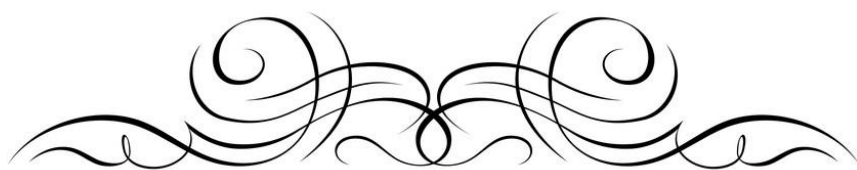
    Как я влюблён
в твой далёкий зелёный простор,
в придорожный задумчивый клён
и в затоны браславских озёр.

За тебя ведь в бою под Москвой
на смерть храбрый гвардеец стоял,
и в последней атаке под Мгой.
пехотинец в снегу умирал.

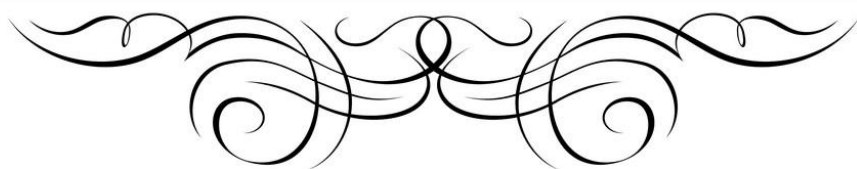
Ты тогда партизанкой была,
с оккупантами славно дралась
Из лесов от села до села,
шла с винтовкой советская власть...

поднялась ты давно из руин,
омываясь весенней грозой.
О, земля!

    Я из многих твой сын,
только вижу нечасто с тобой.

Из польской тетради

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ¹

(К 200-летию со дня рождения
Михала Клеофаса Огиньского)

Под глубоким впечатлением
радиокомпозиции «Полонез
Огиньского» и одноимённого
телефильма написаны эти строки.

Окончен бой.

Замолкли пушки,
и мёртвые не встанут вновь.
На листьях трав из ран Костюшки
застыла пролитая кровь.

Лежат в дыму Мацеёвице²,
и вместо боевых знамён —
повстанцев горестные лица
и лишь кандаальный перезвон.

Ведь тем тут места нету больше,
кто за свободу рвался в бой...
И ссыльных по дорогам Польши
толпу проводят за толпой...

Ведут по белорусским шляхам
под свист жандармского хлыста,
под хищный смех продажной шляхты
ведут стоявших до конца.

Напрасно под Варшавой жёны
мужей с победной битвы ждут:
жестоки царские законы,
силён самодержавный суд.

---

1) Так называется популярный полонез Огиньского.

2) Мацеёвице - селение в Польше, где в 1794 г. были разбиты повстанческие силы поляков, а руководитель — Тадеуш Костюшко, тяжело раненый взят в плен царскими войсками.

Жандармский штык на перекрёстке,
и у крыльца, и за спиной...
Сквозит осенний ветер жёсткий
над «усмирённой» стороной.

Идут на гибель патриоты;
но тем, что удалось уйти,
иные выпала заботы
и эмигрантские пути.

Бредут разбитые герои
по тайным тропам, без дорог.
Прощай Отчизна!
Им с тобою
тяжёлый выпал нынче рок.

Прощайте, тихие Дрысвяты¹!
Прощай, Браславщина,
прощай!
Поникли низенькие хаты,
и словно вымер древний край.

Прощайте липы Молодечно²
и в Гузове³ притихший сад!
Чужой разгул в стране не вечен,
но нету им пути назад.

Дымят ночами пепелища, —
как это видеть нелегко;
но враг по всем округам рыщет,
и до границы далеко...

---

1) Дрысвяты – имение Огиньского на Браславщине (Витебская обл.).

2) Молодечно – бывшее имение Огиньского.

3) Гузов – имение Огиньского под Варшавой, место рождения композитора.

Тревожная ночная скачка,
глухое цоканье копыт..
И в тихом голосе полячки
тоска прощальная звучит.

И боль,
и горечь поражений,
и сердца внутренний протест,
и новой силы пробужденье
вошли в бессмертный полонез.

1965 год.

МАРШ ДОМБРОВСКОГО

«Еще Польска не згиненла...»
Юзеф Выбицки

Покидая хаты молча,
обходя заслоны,
уходили добровольцы
тихо в легионы.

И под небом итальянским,
синим и безбрежным,
о боях по-партизански
думали мятежно.

И выстраивались роты
на лугах зелёных,
и взвивались над пехотой
польские знамёна.

Через горы и долины
Дальним маршем броским
уводил их в край родимый
генерал Домбровский.

Но над Вислой и за Вартой
не рождалась Польша,
и поляки Бонопартом
не гордились больше.

Звон печальный, колокольный,
тишину нарушив,
плыл над краем подневольным
и тревожил души.

Пуля шапки верх прошибла,
но губы шептали:
«Ещё Польша не погибла,
пока мы не пали...»

3.10.1976 г.

АДАМ МИЦКЕВИЧ В ВИДЗАХ

В начале девятнадцатого века в Видзы на каникулы к дяде по матери, из рода Маевских, приезжал молодой польский поэт Адам Мицкевич с братом.

Гудит за стеной непогода,
и ветры надрывно поют.
Далёкие синие годы
из прошлого века встают.

Наверно, совсем не случайно
Вавжецкий¹ был в Видзах зарыт...
Седые, архивные тайны
история, молча, хранит.

И только порой, между прочим,
мелькнёт в примечанье, как вздох,
скупой исторической строчкой
отжившее время эпох.

Промчалось событий немало
по видзовским улицам встарь:
с войсками прошли генералы,
и как-то проездом был царь²...

Спешили приезжие пани
на исповедь, молча, в костёл,
в корчме веселились крестьяне
с окрестных имений и сёл.

---

1) Вавжецкий Томаш – генерал, участник восстания 1794 г., друг и соратник Тадеуша Костюшко.

2) Царь Александр I.

Над низкой бревенчатой школой,
под шелест дубов и осин
гранёные пики костёла
впивались в небесную синь.

Прошли не одни поколения,
умчались в далёкое дни...
Костельные длинные тени
остались по ныне одни.

Мицкевич,
                    задумчивый, юный,
в тени этой тут отдыхал;
а вечером, тихим и лунным,
о новом Союзе¹ мечтал.

Слетались усталые птицы
к костёлу на летний ночлег.
Тянуло с полей медуницей
и влагой болотной от рек.

Молебные всхлипы органа
катались над крышами хат
и в утреннем, лёгком тумане
вплывали к Маевскому в сад...

Неплохо у дяди Адаму.
Вакации скоро пройдут.
Грустит о нём хворая мама,
и в Вильно друзья его ждут.

Но нет теперь рядом Марыли²,
расчётливой панночки с ним;
её в Больценниках³ укрыли
шатровые липы с другим...

---

1) Студенческое общество «Союз филаретов».

2) Марыля Верещак – юная любовь поэта.

3) Больценники – имение графа Путткамера, мужа Марыли.

Угрюмые, низкие хаты
окутал вечерний покой,
и душу сжигают закаты
и в сумерках вяжут тоской.

Под клёнами ветры уснули,
и брат отдыхает давно;
и только луна в карауле
к нему заглянула в окно...

И выйдет потом свитезянка
из тёмной воды под луной
и в строки войдёт спозаранку
народной легендой живой.

И книгами будут баллады,
и гимнами станут стихи...
Но в Видзах ему серенады
поют по утрам петухи.

Излечатся временем раны,
иные придут времена;
и выйдет из далей туманных
к нему вдохновеньем она...

Он будет вставать до рассвета,
чтоб с новою силой потом
талантом большого поэта
войти уже книгами в дом.

Над Польшей чужие знамёна,
чужие штыки у дворцов,
но будет он знать поимённо
живых и погибших борцов.

Ему не понять оккупантов,
и груз понесёт он двойной
нелёгкую жизнь эмигранта
и боль по Отчизне родной...

Дружили с поэтом невзгоды,
а он был в свободу влюблён.
Далёкие, синие годы,
архивные даты времён.

История тайнами дышит,
у тайны бывает изъян.
Но кто-нибудь, может, напишет
когда-то об этом роман.

Июнь 1988 год.

МАТЕЙКО

Флорианская улица рано
проснулась
и словно листвой
ожившей, прогнала туманы
и влажную мглу с мостовой.

И шумною узкою змейкой
ползёт из квартала в квартал...
Не встал ещё только Матейко,
бессонницей сбит наповал.

К успехам он шёл через муки
неистойной хворью зажат.
Его чудотворные руки,
как ветки сухие лежат.

Они отдыхают,
ведь сроки
любые осилить смогли;
они животворные соки
впитали родимой земли...

Четыре насыщенных года
кипел титанический труд,
но должную память народы
ему на века воздадут.

Ведь он им оставит
в наследство
шедевра огромный размах,
а нынче впервые, как в детстве,
он видит сражение в снах...

«Грюнвальдская битва» готова,
и тихо пока в мастерской,
но также настойчиво снова
приступит он к теме другой.

А темы в труде благородном
его уже сами найдут,
историей Польши свободно
они на холстах оживут.

Сентябрь 1976 г.

МОНЮШКО

«Меж горами ветер воет...»
— сквозь орган мотив
у Монюшко в сердце ноет,
как речитатив.

Думка Ионтека тоскливо
горем вдаль плывёт,
то нахлынет вдруг приливом,
то с тоской уйдёт.

То серебряною пеной
шепчет в тишине
и утоньшится мгновенно,
сникнет, как во сне.

Так цвета щемящей боли
ожили в душе,
только звуки жаждут воли,
зрелые уже.

Так исполнилась надежда
света и тепла
и на нотный лист безбрежно
знаками легла...

Но своим мотивом первым
разомкнула круг,
как по клавишам, по нервам
пробежавшись вдруг.

И плывёт,
и кружит снова,
нет у ней конца;
стала музыкою слова
и вошла в сердца.

18.09.1976 г.

ВЕСТЕРПЛЯТТЕ

Польским   войнам-героям,
участника героических боёв с
немецкими фашистами при обороне
гарнизона Вестерплятте.

Клочок земли – и всё не больше;
и лезет враг со всех сторон.
И стонет от ударов Польша,
но бьётся храбро гарнизон.

У сосен вздрогнули верхушки,
перемешалась кровь с водой...
Ведут праправнуки Костюшки
с фашистами жестокий бой.

Давно правители смотались,
примкнул к нацистам
  разный сброд,
но в Польше всё-таки осталась
вся сила главная – народ.

Он выдержит, он всё сумеет,
он героичен, как всегда.
Он храбр становится и злее,
когда над родиной беда.

Но нынче он в бою неравном,
остервенелый рвётся враг:
и окровавленный державный
растоптан бело-красный флаг...

Летят последние гранаты,
патронов больше нет уже.
Молчат герои Вестерплятте
на покорённом рубеже.

Их горстка,
а фашистов – тучи,
но много трупов на земле...
Был это бой, не просто случай,
не вспышки молнии во мгле.

Пускай закончено сражение,
и гарнизона больше нет,
но было это поражение,
началом будущих побед.

1971 г.

ЗА ДРУЖБУ!

Валентину Чекмасову

Рисунка чёткого и цвета
любому не понять нельзя.
Глядят художники с портрета,
глядят на зрителя друзья.

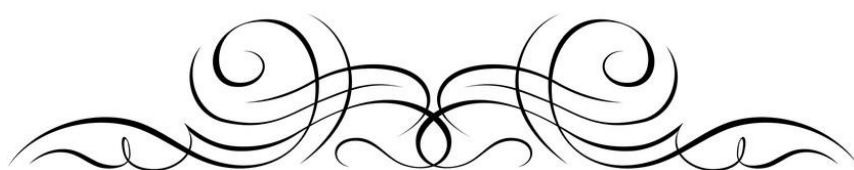
И эту ясную манеру
изгибом подчеркнул овал,
как память давняя Гроттгера
из тишины приходит в зал...

Она пришла не на мгновенье,
а утвердилась навсегда;
она явилась вдохновеньем
большого, тонкого труда.

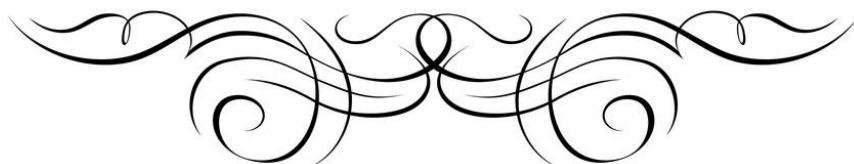
Высоко в небе крушат птицы,
им место на холсте дано,
и светом солнечным искрится
в бокалах доброе вино.

Вдали - простор
зелёно-жёлтый
и лошади среди равнин...
Глядят на нас Тадеуш Жолдак
и наш Чекмасов Валентин.

17.02.1981 г.

Моей родимой стороне

В МОЕЙ РОДИМОЙ СТОРОНЕ

В моей родимой стороне
поля льняные,
                                как озёра,
и катится волна к волне,
гонима ветром с косогора.

Такая синева кругом:
и синие стоят деревья,
и птица синяя крылом
взмахнула над моей деревней.

Я вижу синюю росу,
и дали с синими лесами.
Я помню девицу-красу
с такими синими глазами...

Пусть я нынче далеко
от синевы родного края,
мне на душе всегда легко,
когда о нём я вспоминаю.

БЫЛОЕ

Светлой памяти матери моей —
Федоры Митрофановны.

Приходит мама в поздний вечер
усталой с полевых работ.
Я первым к ней бегу навстречу
и спину выгнул шустрый кот.

На улице сгустились тени:
чадит коптилки фитилёк
и сумрак, хлынув в наши сени,
вползает в каждый уголок.

Скрипит в пустой каморке дверца...
Полно у матери забот.
И теплится надежда в сердце
на хлебосольный огород.

Соломенной стрехи чуприну
склонила хата на забор,
а влажный ветер с луговины
обшаривает узкий двор.

Гумно насупилось сурово:
так пусто нынче на току...
И слышно, как в хлеву корова
жуёт осеннюю тоску.

И, словно жалуясь на долю,
скулит собака за углом...
И сердце замирает болью
в воспоминаньях о былом.

1963 г.

ВРЕМЕНА ГОДА

По мотивам воспоминаний о детстве
прошедшем на Юдыщинщине, в Шитях.

Цветами украшали головы
колдуньи старые ракит,
и листья рассыпали долами
на тропы, на следы копыт.

Закат в оконных стёклах плавился
углём поленьев из берёз.
На речках ивы молча плавали
со льдинками застывших слёз.

У лисьих нор вороны каркали,
маня на промысел лисят.
В пустынных рощах ветры шаркали
и выколачивали сад.

Пришли на белый берег странники
и затрубили в кулаки;
уста, как маленькие пряники
ныряли вокруг в воротники.

Просили у колдунь встревоженных
им показать дорожный след,
чтобы уйти в края надёжные
всем сквозь завьюженный рассвет...

А позже шли уже согретыми,
пьянея запахом цветов,
и над границами запретными
смотрели в омуты без слов.

Но затрубили вновь.
И водами
смывались жёлтые пески,
и под звенящими погодами
колдуньи пели у реки.

1972 г.

О ДЕТСТВЕ

Как будто мы нисколько не старели:
плывут сады – земные корабли,
и пахнет в сентябре полынной прелью,
и мой отец немного тороплив,

солому подбирает на тропинке,
разнесенную ветром-шалуном,
а на стерне пшеничной за углом,
сединами белеют паутинки.

Ещё стоят берёзы на пригорке,
вечернею прохладою дыша,
и солнца апельсиновая корка
на горизонте – лезвии ножа.

Ещё я север знаю лишь по книжке,
ещё меня валун карельский ждёт...
И осень очень медленная жгёт
осины за отцовской серой крышей...

28.08.1976 г.

На родине вечером лунным
кричат за селом кулики...
А я, загорелый и юный,
брожу по траве у реки.

Лицо освежает прохлада,
над лугом —
   туман-молоко
и каплей звезда высоко
над старым темнеющим садом.

Чем сумерки гуще, тем тише
и строже наш низенький дом.
А месяц над старенькой крышей
блестит серебристым серпом.

И эхом висит над деревней
собачий надрывистый лай...
Я вижу свой тихий и древний
далёкий и близкий мой край.

1974 г.

В КУЗНИЦЕ

Памяти дяди Трофима

Бывало, в погожее лето
роса, как пыльца, серебра...
А в кузнице низкой
с рассвета —
малиновый звон и жара.

Стоит у горячего горна
высокий мой дядя Трофим
и вертит клещами проворно,
и плавает струйками дым.

Он, словно секунды считая,
кувалдой уверенно бьёт,
и радужно искры, сверкая,
летят с наковальни вразлёт.

С металлом немалого веса
привычно справляется он,
и форму меняет железо
под этот внушительный звон.

И став уже нужной по чести
деталью в руках до конца,
для дела пойдёт она вместе
с душевным теплом кузнеца...

Теперь на деревне с рассвета
тот звон не тревожит окно...
Давно уже кузницы нету,
и дядя в могиле давно.

17.07.1981 г.

ИЗ ПРОШЛОГО

Мрачнела тень на подоконнике.
За речкой, словно за стеной,
кричала дискантом Самсониха:
Купрен, домой!
Купрен, домой!

И словно голосу отместкою
всплывал другой что было сил;
кого-то вдруг словами меткими
мой дядя Фёдор басом крыл...

Блеяли овцы, свиньи хрюкали,
потом стихало всё опять,
и прекращала даже хлюпанье
речная узенькая гладь.

Склонялись вербы, словно плакали
росинками на тёмный плёс,
в пруду лягушки только квакали,
да грустно лаял чей-то пёс.

Но эта грусть струною тоненькой
вдруг затихала, удалясь...
И лишь за низким подоконником
не спал наш сельский книжник Стась.

6.07.1981 г.

ХОДИЛИ НИЩИЕ ПРОСЁЛКАМИ...

Ходили нищие и странники,
ходили раннею весной;
ходили в будние и в праздники,
поклон склоняя поясной.

Ходили нищие просёлками
по всей округе без конца.
Мне не забыть шагов Миколкиных
и богомольного лица.

Он был похож на сновидение,
сошедшим старцем из икон...
За ним другие наваждением
из запылённых шли сторон.

Их души светлые убогие
открыты без обиняков,
и чаще всех одной дорогою
ходил Юстын из Костюков.

И не были они притворными
ни навсегда, ни для начал;
Юстын стихи читал задорные,
Мартин Капуста всё молчал.

Их торбы наполнились краюхами
и разным смешанным зерном.
Они вплывали в хаты духами
и исчезали за селом...

Порой садились на обочины,
когда их торопила ночь,
просили взглядом озабоченным
в ночёвке временной помочь.

Бывало, поздними потёмками
в свой незавидный уголок
Параська-бабушка с котомками
катилась словно колобок.

И незапуганных русалками
нас обдавало холодком,
когда, нагнувшись,
Микшта с палкою
шёл по деревне босиком...

Теперь для нас не в новость пряники
и музыка со всех сторон...
Ушли давно, как тени, странники,
и детство превратилось в сон.

7.07.1981 г.

ДАВНО В ДЕРЕВНЕ ЭТО БЫЛО...

А кто там не носил лаптей!
Давно в деревне это было,
я помню, чахлый дед Матей
ругал сапожника Гаврилу.

Ругал, тряся бородки клок
пуская крепенькое слово,
за то, что в споре он не смог
Гаврилу переспорить снова...

Ругал и лапти тихо плёл,
а рано, в утреннем тумане
к ручью на луг он бодро шёл,
где строил новенькую баню.

На жёлтый сруб смотрел Матей,
в раздумьи выпрямляя спину,
назад ступил – и бух!

— В ручей...

и еле вылез из трясины.

С тех пор неразговорчив дед
и хмурый часто был, как осень;
чтоб не было дальнейших бед,
он навсегда топор забросил.

Хромой Гаврила был таков:
согнувшись в крюк над сапогами
хотя, был сам из простаков,
смеялся в слух над простаками...

Я это помню с детских лет,
давно в деревне это было,
давно Матей-деда нет
и нет сапожника Гаврилы.

6.08.1980 г.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Вы встали учитель Юхневич,
когда разгоралась заря;
по местному времени в девять
вам быть уже в школе пора.

Подметена к школе дорожка,
очистилось небо от туч,
и солнце бросает в окошко
вам яркий приветливый луч.

В портфель уложили тетради,
защёлкунули лёгкий замок...
И дверь вы открыли, не глядя,
чтоб выйти скорей на урок.

Прошли уже сельские дети
цепочками с разных сторон,
и, кажется, лучше на свете
таких не бывает времён.

Шити, Юдыцина, Зяблины,
и Лонские, и Дубники...
По тихим просёлкам равнины
ползут голубые деньки...

Далёкие детские годы,
как первые звуки весной,
сожгли вас лихие невзгоды
незримо за синей Двиной.

И нынче по времени в девять,
ступив за рабочий порог,
мой первый учитель Юхневич,
твержу ваш достойный урок.

15.07.1981 г.

НА ПАСТБИЩЕ

Закружились чёрные вороны,
и пророчат непогодь они.
И опять под низким небосклоном
потянулись пасмурные дни.

Отсырели на ногах онучи,
я на пастьбе, будто на посту.
Наплывают пепельные тучи
к моему пастушьему костру.

Присмирело среди поля стадо
сытых, утомившихся коров;
пусть они жуют, ведь им не надо
никакой просушки у костров.

И меня нисколько не пугает
над спиной ворон гортанный крик;
я костёр упорно раздуваю,
низко наклонив чумазый лик.

Несколько обуглившихся веток
пробую прижать и повернуть,
только угасающее лето
мне уже, наверно, не раздуть.

УЧИТЕЛЬНИЦЕ

В 1940-41 годах, в старших классах Шарковщинской НСШ, преподавала русскую литературу молодая ленинградская учительница Белла Исаковна Фрадлина.

Белла Исаковна Фрадлина,
Ваш не окончился срок.
Белла Исаковна Фрадлина,
снова начните урок.

Добрая Ваша методика
мысли живой, простоты —
в поиске творческой логики
и вдохновенной мечты.

Всё, что тогда не досказано,
нам расскажите теперь.
Словно мы в классе рассажены,
смотрим на белую дверь...

Ваши слова о Есенине
так нам понятны, чисты...
В рамках оконных осенние
серого неба холсты...

Сторож Зубков не воротится.
Больше урок не пройдёт...
Старую боль мне не хочется
трогать, что в сердце живёт.

Месяцы словно украдены,
сделали годы свой час...
Белла Исаковна Фрадлина,
я вспоминаю о Вас.

30.08.1976 г.

ПИСЬМО ЛЕОНИДУ КЛИМЗЕ

О тебе прочитал я в районной газете
и явилось минувшее из тишины.
Помнишь, Лёнька, как мы, интернатские дети,
были как-то особенно в школе дружны?

Получая хорошие чаще отметки,
мы входила тогда переростками в класс.
Нас Буртович Тамара – апрельская ветка,
обзирала наивной надменностью глаз.

Мне записки писала тогда Иванова.
Я не помню, как ты, только я был влюблён:
Тоня Соболев – моё безответное слово
и как звёздная песня, уплывшая в сон.

Я её силуэт уже видел спросонок,
часто вписывал мысленно в раму ворот...
Но шутил надо мною Василь Ботвинёнок,
что он Тоню в Сосновцы свои увезёт...

Как давно это было!

Летят наши годы.

На виски уже иней ложится слегка.
Крутишь ты киноленты в любую погоду,
ну а я – всё пишу...

Да рисую стога...

И о том, что ты нынче известен в районе,
мне узнать это было приятно до слёз.
Потому мне и снятся шитёвские кони,
и тоска придорожных куштальских берёз.

8.07.1976 г.

МИХАСЬ МАШАРА

Перед войной в Шарковщине, на квартире
Крывёнка, жил и работал в РОНО
известный белорусский поэт и прозаик
Михась Машара.

Под вечер сгустилась Дисёнка.
На улицах пыль улеглась.
Из тихого дома Крывёнка
выходит Машара Михась.

Задумчивый,
  крепкий и статный,
шаги не по росту легки.
Идёт он, как ходят солдаты,
и мысленно пишет стихи.

В глазах его добрых и ясных,
лирической темы волна;
он знает, что ночь не напрасно
опять проведёт он без сна.

Допишется текст на рассвете,
и с почтой пакет отошлют...
А позже в «Сялянскай газэце»
появится творческий труд...

Затихли давно переулки,
и в окнах горит уже свет.
По улице, узкой и гулкой,
идёт белорусский поэт.

12.09.1976 г.

ПЯЛИКИ

Светлой памяти разведчиков
Ю. Мацука и В. Лукьянова.

На пяликовских хуторах
теряется в снегу дорога,
а в продуваемых дворах
стоит военная тревога.

И мчит нас конь на всех парах,
мы локтем чувствуем друг друга.
На пяликовских хуторах
нас закружила ночью вьюга.

Бросает ветер в лица снег —
и под сугроб скользнули сани:
остановила лошадь бег,
и мы в снегу, как в сене, сами.

Мацук встаёт, стряхнув усы,
Лукьянов выпрямляет ноги...
И в эти поздние часы
мы ищем нужную дорогу.

Пока не выглянул рассвет,
сосредоточенно, все трое,
распознаём следы примет
и держим путь на Дубовое.

СНЕГИ

Идут белые снеги...

Евг. Евтушенко

Давно отскрипели телеги,
и детства давно уже нет.
Деревню с названием Снеги
я прочно запомнил с тех лет.

Тогда мне наивно казалось
и думалось так мне тогда,
что в этой деревне осталась,
наверно, зима навсегда.

И падают тихие снеги
на крыши приземистых хат,
и в августе там не телеги,
а лёгкие сани скрипят...

Потом уже в первые годы
дыхания школьной весны,
я понял загадки природы
развеяв наивные сны...

Когда партизанской пометкой
мне выпала новая явь,
деревню я вспомнил в разведке,
в ту местность с друзьями попав.

Подняв полусонные веки,
нам тихо оказал проводник:
«за этой развилкою – Снеги,
тут можно верхом —
напрямик...»

Мы в чёрные окна смотрели,
а улица вдаль нас вела;
слегка наши сёдла скрипели,
деревня под полночь спала.

И мирно манила к ночлегу
нас эта вокруг тишина,
и светом, как сереньким снегом,
дома осыпала луна...

Давно отскрипели телеги,
и юность война унесла.
Деревня с названием Снеги
поэзией в душу вошла.

22.03.1981 г.

БЕЛЫЙ ДВОР

Нас пятеро разведчиков,
а кони – на подбор...
И путь для нас намеченный
приводит в Белый Двор.

Садов благоухание,
короче в мае тень
и словно на гуляние
выходит белый день.

Тут в окнах лица лунные
подростков и девчат...
А мы гордимся, юные,
что так ремни скрипят...

Нас кони словно поняли,
придерживая шаг;
мы пыльные и потные
оставили большак.

А у колодца спешились
и поим лошадей,
На солнце ивы свесились
под тяжестью лучей.

В уютной этой местности
такая тишина!
А в дальние окрестности
врывается война.

И то, что не проверено,
не вынести в итог,
и снова мы уверенно
стремимся на восток.

Навстречу встал заметнее
болотистый простор...
И вдаль уходит медленно
за нами Белый Двор.

Май, 1944 г.

Стеной выступает пшеница
и вижу,
        как издалека
торопится мне поклониться
знакомый цветок василька.

Над нивами ветер приветный,
поют в унисон провода
о жизни широкой и светлой,
о силе большого труда.

Я снова на родине,
                        снова
родимой иду стороной.
И край мой знакомый, но новый
величием встал предо мной.

1973 г.

ДВЕ ДЕРЕВНИ

Земля в нашем крае – суглинок.
И если с востока идти,
налево – деревня Зяблины,
а прямо дорогой – Шити.

Деревни, они, как подруги,
не могут одна без другой;
протянуты кладки, как руки,
над узенькой Янкой-рекой.

Никто их историй не знает,
не помнит рождения дат,
но прочную жизнь утверждают
ряды застоявшихся хат.

В них нынче живёт обновленье,
в их судьбах иной поворот.
На панской усадьбе – правленье
большого колхоза «Восход».

Красуются новые крыши,
всё шифер да шифер подряд...
И сердце так радостно дышит,
но память уводит назад:

в далёкие школьные годы,
в былую печаль деревень,
и в первые вздохи свободы,
и в самую чёрную тень...

Моё босоное детство
растаяло звуками струн...
Но правильно понял наследство
приятель мой Ваня Рыкун.

Построил он новую хату,
колхоз ему тоже помог.
Увидел меня и, как брата,
к себе он увёл на порог.

Нам есть о чём вспомнить,
и годы
далёкие ожили вдруг...
И плыл, и кружил хороводом
бесед нескончаемый круг...

Смотрю я на окна под вечер,
а в них – электрический свет.
Мне ясно, что вправду отмечен
тут подлинной жизни рассвет.

И если в Зяблинах играет
гармонь современный мотив,
то эхо в Шитях повторяет,
над крышами звук уронив.

Лишь только весёлую песню
затянет в Шитях озорник,
и эхо, как радостный вестник,
плывёт над Зяблинами вмиг.

В деревнях и труд и порядок,
как водится, неразделим.
Мне дым моей родины сладок
и воздух полей исцелим.

1973 г.

ОСЕНЬ НАД КУШТАЛЬСКИМИ ПОЛЯМИ

Кружится листва под тополями.
Тихо льётся золото с осин.
Осень над кушталёвскими полями
расплескала бархатную синь.

Расстелила по лугам туманы,
на дороги лужами легла,
вышла на притихшие поляны
и кусты раздела догола.

Журавлиным клином пролетела,
не спеша проверила овин...
Осень по округе ходит смело,
тихо льётся золото осин.

НА СЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ

На сельском кладбище, у речки,
уже который год подряд,
до тла сторевшие, как свечки,
мои родители лежат.

И сквозь железную ограду,
что поднялась навечно тут,
пройдут зимою снегопады,
дожди весенние пройдут.

Земли кусочек сокровенной,
где спят давно отец и мать,
не отгородишь от вселенной
и у природы не отнять.

Они лишь только на ночлеге...
А если зазвенит весна,
воскреснут заново побеги
и будет снова не до сна.

Трава взойдёт,
и так, как надо
все стебли устремятся в высь.
А за могильною оградой
идёт моя другая жизнь.

На сельском кладбище, в Зяблинах,
уже который год подряд,
давно не видевшие сына,
мои родители лежат.

16.07.1981 г.

КОРНИЦА

Есть деревня Корница
в Иодском сельсовете.
Там работа спорится
не в словесном цвете.

Люди там хорошие,
труд у них высокий
все луга покосены
в заданные сроки.

А комбайны в верности
обошли раздолье...
И стоят, как крепости,
скирды в дальнем поле.

Листопад торопится,
кружится в тумане.
По субботам топятся
Корницкие бани.

Вечер лишь нахмурится, —
речь ведут гармони;
и светло на улице
словно на ладони.

Верба тихо клонится.
Будто по помосте,
по дороге,
                                в Корницу
приезжают гости.

1973 г.

В ИОДАХ

Мы утром приехали в Иоды,
В сметанистом, влажном тумане
уже созревала погода
погожим своим предсказаньем.

Затронула ранняя осень
старинные липы багрянцем,
и неба прозрачная просинь
уже не пылала румянцем.

На рыночной старой площадке,
на улицах длинных и узких
теплела от влаги брусчатка
и шифер домов белорусских.

А солнце катилось всё выше,
умывшись росой для порядка.
Дымились заборы и крыши
и старая сохла брусчатка.

И в поле колхозном широком,
гудели и плыли комбайны.
А осень, степенно, до срока
шагала простором бескрайним.

1973 г.

Я ПОМНЮ СЕЛЬСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Живут, наверное, привычки
в селе и в наши времена,
когда на прозвища и клички
людей меняют имена.

Занает сердце грустью сладкой
и выплывет мотив родной,
когда ходил своим порядком
и жил Микола Концевой.

Из памяти, как из тумана,
не удалившись, разделясь,
под прозвищами три Ивана
идут:

Клок, Шишка и Любась.

За ними бабка-Чебатуха
заглядывает в каждый двор...
Не знал я имени старухи,
да и не знаю до сих пор.

Из поколения в поколение,
не отлучаясь от земли,
шли, как обычное явление,
родной деревни Короли.

И, как бы соревнуясь с ними,
от малой до большой руки,
со всеми семьями своими
за ними шли Боровики.

А на виду деревни с толком,
до поздней сумрачной поры
по нивам, пожням и просёлкам
ходили дружно Комары.

И вспоминается с улыбкой:
шла, натянув платок на лоб,
высокая старуха-Рыбка...
И был ещё Миколка-Клоп...

Я помню сельские привычки:
без злобных всяческих затей
тогда на прозвища и клички
меняли имена людей.

1981 г.

ЛЕТО

Сергею Шинкевичу

Пушинки мягкие,
                                  пушинки
разносит ветер с тополей.
Они, как ранние снежинки,
кружатся в зелени ветвей.

Им не страшны любые встряски:
они скользят по проводам
и вьются чудной зимней сказкой
и липнут к девичьим губам.

Па камни падают бесшумно,
на травянистую постель...
И кружит голову безумно
в июле белая метель.

Пушинки солнцем обогреты,
блестят отливом серебра.
Наверно,
                                  заблудилось лето
теперь у нашего двора.

И далеко ещё до снега,
когда придут иные сны
и остывающее небо
оставит проблеск седины.

1964 г.

СЕЛЬСКИЙ ЭТЮД

В Зяблинах жил Симон – мужик,
и зла он никому не делал,
ходил в развалку, как старик,
и даже молодым не бегал.

И там же жил дворовый пёс
по очень странной кличке Бурша;
свою он службу честно нёс,
как все собаки и не хуже.

Домой однажды шёл Симон
по узкой кладке через речку,
но как-то закачались плечи
и в воду кувырнулся он.

А Бурша завизжал, как мог
(по-своему он людям верен),
и сразу выбраться помог
Симону на пологий берег...

Потом Симон смиренней стал
и, направляясь спозаранку,
вразвалку медленно шагал
на мост недалний через Янку.

И был он мысленно у дел,
был занят он своей задачей,
а Бурша вслед ему глядел
и радовался по-собачьи.

2.07.1981 г.

В ОТПУСКЕ

В дожди осенние
не до прогулочки,
стеклом осколочным —
лужи вразброс.
Шофёр по прозвищу
«Сто грамм и булочка»
меня на родину
попутно вёз.

Комья из выбоин
летели рваные
с рыжими брызгами
по сторонам,
и лезли ветры к нам
в кабину пряные
с дорожным запахом
напополам.

Вставала в памяти
жизнь изначальная:
на этих пажитях
я в детстве рос,
под бесконечную
гамму печальную
ныне исчезнувших
старых берёз...

Давно не ведал я
такой прогулочка
под вой мотора,
под визг колёс.
Шофёр по прозвищу
«Сто грамм и булочка»
меня на родину
мою привёз.

1979 г.

НА РОДИНЕ

Памяти брата Сергея

Давно родимой хаты нет,
развеялся вишнёвый дым...
И я на розовый рассвет
смотрю уже не молодым.

Растёт укроп на месте том,
где ивы плакали с утра,
а рядом вырос новый дом,
и в нём живёт моя сестра.

Куда бы я ни бросил взгляд —
родимых мест не узнаю;
направо вырос новый сад
и встали яблони в строю.

Приходит всё из тишины,
из памяти, как из дверей...
Сирени кустик до войны
тут посадил наш брат Сергей.

Как нынче выросла сирень!
И, ветками забор укрыв,
губами брата каждый день
мне шепчут листья:

«Жив я, жив...»

1980 г.

ДУБНИКИ

Вербы дремлют у реки,
скрыл туман пригорок,
за деревней Дубники —
утренние зори.

Звёзды поздние дрожат
каплями росинок
над рядами спящих хат
и над луговиной.

Скоро белым молоком
дам из труб польётся,
и потянет говорком
бабьим от колодцев.

Говорят, в такой рассвет
в старину когда-то
выходил Михалка-дед
босиком из хаты.

Бороду слегка чесал,
щурил глаз бесцветный
и погоду узнавал
по своим приметам...

Дед давно зарыт в земле,
хаты тоже нету,
только живы на селе
дедовы приметы:

Нах деревней Дубники
тихо зори бродят,
и горланят петухи
к солнечной погоде...

1976 г.

РОДНЫЕ ДАЛИ

Я вижу на родной сторонке
огни деревни вдалеке.
И месяц новой плоскодонкой
скользит по медленной реке.

Навстречу мне идут избушки
оконный излучая свет,
и купол маленькой церквушки
вчеканил в небо силуэт.

Уходит поздняя дорога
в свою сиреневую даль,
а у родимого порога
стоит вечерняя печаль.

На плечи падают росинки,
и в листьях притаилась грусть...
Не плачьте милые осинки,
я нынче с вами остаюсь.

20. 06.1977 г.

ЮДЫЦИНСКИЕ ДЕРЕВНИ

Эдыцинские деревни
нравятся вы мне.
Над землёю вашей древней —
месяц в вышине.

У порога пахнет мятой,
чистота в домах,
а за Свилами заката
яркого размах.

Опускает сумрак шторы,
спит трава в стогах
и восходят рано зори
тихие в лугах.

Впереди желтеют нивы
золотом овса,
вьётся синим переливом
леса полоса.

Уголок простой и древний,
тишина полей.
Юдыцинские деревни,
вы — в душе моей.

1979 г.

АМБРОСЕНКИ

Замела метелица
узкий санный след.
Белой тканью стелется
поле без примет.

Ни дубка,
                  ни сосенки
нет на Дубовом...
На снегу —   Амбросенки —
тёмным рукавом.

Выплывает чёткая
графика садов,
и заборы щётками
за кострами дров.

Всюду снег охапками,
иней – бахромой,
и прикрылся шапками
хат неровный строй.

Хмурится
                  и выюжится
за деревней даль.
Словно лебедь кружится
по дворам февраль.

1974 г.

Пусть ты не любима мной,
но всё-таки мила в разлуке.
И ночь в окошке – белизной,
как будто рядом твои руки.

И неба синий уголок,
как долгий взгляд из полумрака...
Темнеет низкий потолок
и меркнет на столе бумага...

Я засыпаю в поздний час
покоем взятый на поруки,
но синева далёких глаз
мне будет сняться и в разлуке.

1974 г.

НАД РЕЧКОЙ ЯНКОЙ

Над речкой Янкой летним зноем,
как в прошлом, по лугам пройдусь
Из них ромашковым настоем
напьюсь и в девушку влюблюсь.

Мне жаль, что высохла криница
на милой родине моей,
но пахнет также медуницей
и близким клевером с полей.

А по восторженной причине
мне сердце рвут уже слова
те, что я выскажу девчине,
когда окрасится трава

мгновенным кадмием заката
и в синем мареве вдали
всплывёт, как алый парус хата,
и станет чёрным край земли.

9.09.1976 г.

ОСЕНЬ В ШАРКОВЩИНЕ

Памяти Михася Манары

Разожгла в городке этом осень пожары;
полыхают осины у всех на виду.
И листва закружилась стихами Машары
и антоновки крупно свисают в саду.

Городок этот тих, как родная природа,
в нём кипит деловая районная жизнь.
И проносит Дисёнка спокойные воды,
а над нею дома к облакам поднялись.

В этом крае родном я бываю нечасто,
я нечасто по улицам этим брожу.
Тут промчалось давно моё детское счастье,
и друзей своих школьных я не нахожу.

В городке этом осень разводит пожары,
в огородах пожухлая сохнет ботва.
В старом сквере читаю я сборник Машары
и на плечи мне тихо слетает листва.

3.08. 1980 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ

Ты звенишь берёзкой
летом и зимой.
У твоей причёски
отблеск золотой.

На твоих ресницах
лёгкий изумруд,
а глаза-зарницы
светятся и ждут...

И глядим мы вместе
в зеркало воды,
где лимонный месяц
не сулит беды.

Где легко увидеть
облаков полёт,
сумраком увитый
тлеющий восход.

Опадают листья,
как мои слова,
продолжает литься
с неба синева.

И в реке Дисёнке,
на песчаном дне,
засмеялась звонко
молодость и мне.

Речка не сурова,
в зеркале твоём
я увидел снова,
всё, что было сном...

Кружишься берёзкой,
развеиваешь грусть...
Я к тебе в окошко
снова постучусь.

1971 г.

ДИСНА

Между шатрами ивняка,
среди золотеющей природы,
Дисна, знакомая река
плывёт спокойно в непогоду.

Её крутые берега
вкруг поднимаются обрывом,
то вдаль уходят, где стога
встают над луговым разливом.

Над ней шеренги деревень
в вечерней сини замирают,
и дуб размашистую тень
свою, в воде отображает.

И плёс блестит издалека;
мне с детства этот блеск знакомый,
свинцовых облаков бока
в воде качнулись, как паромы.

А в ранних сумерках луна
румяная нежданно глянет
и в речку бросится она,
как женщина из сельской бани...

Между шатрами ивняка,
среди сентябрьской природы,
Дисна, знакомая река
несёт спокойно свои воды.

1980 г.

В ДЕРЕВНЕ

Брату Егору

Мне помнится:

пасутся кони.

На Заколотном зреет рожь.

Егор играет на гармони —
и веселится молодёжь.

А где-нибудь у старой хаты,
на брёвнах, подперев забор,
мужчины – старые солдаты
ведут душевный разговор.

Один другого интересней,
и свой у каждого итог,
пока до блеска поздний месяц
не отшлифует острый рог..

А нынче ярче свет в окошке,
чернее сумрак по садам.
Егор давно продал гармошку,
а молодёжь — по городам.

И тихо вечером в деревне,
но также в поле зреет рожь.
Как одинокие деревья
тоскует где-то молодёжь.

Но только зацветут цветочки
среди пахучей тишины,
в родные хаты едут дочки
и возвращаются сыны...

Они соскучилась по росам
и загорают у реки.
А утром вышли на покосы
Пенсионеры-мужики.

И бригадиру ветер свежий
всё шепчет без обиняков:
работников в деревне реже,
а больше тут отпускников.

5.08.1980 г.

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Не пустословием, не фразой, —
люблю искусство глубоко...
Картины пишутся не сразу,
порою даже нелегко.

Они рождаются в покое,
чтобы в один прекрасный миг
их сочетанье цветное
открыло собственный язык.

И если красочная гамма
кого-то за душу возьмёт,
но вдруг завистнику нежданно
по сердцу болью полоснёт,

тогда художнику не грустно
и он из отзывов поймёт:
не просто он живёт в искусстве,
он победителем живёт...

Но вот под приглушённый топот
всплывают тени как-то вдруг,
и закулисный этот шёпот
всё шире размыкает круг.

И расплываются народно
и на газетной полосе
слова «сюсюканье»,
«не модно»
уже во всей своей красе.

А модернисты всё наглеют
и лезут остриём косы;
от злобы бороды седеют
и пиками встают усы...

Пусть зависть чьи-то души рубит,
но тени сникнут и уйдут...
искусство праздности не любит,
искусство обожает труд.

РАЙОННАЯ ГАЗЕТА

Сотрудникам
«Клич Радзимы».

газеты

Когда мне долго писем нету,
нет деревенских новостей,
я жду районную газету,
как самых радостных вестей.

С её полос мне веет пашней,
зерном пшеничным золотым
и чем-то давним, и домашним,
и чем-то новым, и родным.

И на душе всегда приветно,
когда уже без лишних слов
глядят с её страниц портреты
моих друзей и земляков.

Читаю сводки посевные
и заготовки кормовых.
И счастлив будто бы впервые,
когда увижу чей-то стих...

Я говорю давно об этом
на всех испытанных путях:
люблю районную газету
и осень тихую в Шитях.

ПИСЬМО ЗЕМЛЯКАМ

К. А. Кожану

У вас – весенний вечер синий,
и по утрам поют скворцы;
у нас – ещё на ветках иней,
и лёд звенит как бубенцы.

У вас уже на вербах почки
и бродит яблоневый сок, —
а на болотных рыжих кочках —
зелёный травяной пушок.

У нас бушует ветер шальный,
как будто тренируя бег,
и сыплет на поля и скалы
совсем ненужный поздний снег.

У вас готовятся в колхозах
на пашни выйти трактора,
а нашим голеньким берёзам
до дрожи зябко по утрам...

Но будут дни весенней воли,
придёт желанная пора,
когда на северное поле
с восходом выйдут трактора.

1976 г.

ТВОЙ ПУТЬ

Сестре Галине

1

Твой путь не розами украшен,
он начинался в трудный час,
на той усадьбе старой нашей,
где вербы плачут и сейчас.

И шла нелёгкая работа
на хуторе и там и тут...
Вставали новые заботы,
а отдых – повседневный труд...

2

Ветка сирени в окошко стучится
грусть свою давнюю в листьях тая.
И пролетела невидимой птицей
трудная, школьная юность твоя.

Умерла мама и кончилось детство.
В крае родном бушевала война.
В зеркало некогда было глядеться.
В шумную хату – пришла тишина.

Позже и новая жизнь просочилась.
В хату зимой пробирался мороз...
С детства ты рано вставать научилась
и на работу ходила в колхоз...

3

Теперь о прошлом не жалея
нас хлещут новые ветра.
Я поздравляю с юбилеем
тебя родимая сестра!

И никакой теперь проверкой
никто не вызовет беду.
Ты будешь жить пенсионеркой
у всей деревни на виду.

А в зимний час и в выходные
ты всё, как надо принимай;
вяжи перчатки шерстяные
и внукам сказочки читай.

30.09. 1985 г.

Моей деревне повезло,
хотя изведала немало:
из хуторов вошла в село
и у речонки твёрдо встала.

Нарядней стали хат ряды,
всё чаще шиферные крыши,
весною зацветут сады, —
и всё благоуханьем дышит.

И будут добрые дела,
когда ещё в начале лета
во ржи всю ночь перепела
не засыпают до рассвета...

А я в другом краю земли
смотрю, как пролетают гуси...
Кричу им, чтобы отнесли
привет родимой Беларуси.

Я цепенею не на миг,
когда их клин вдали сникает.
Как будто свой родной язык,
их крики мне напоминают.

1974 г.

СЫНОВНИЙ ПОКЛОН

Мне лет календарных немало —
недель дневниковая смесь...
Каким меня ветром снимало
в придвинских лирических мест?

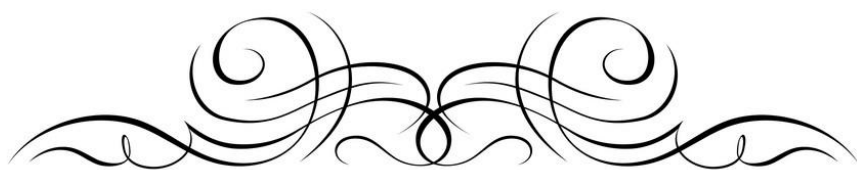
Растратил я дни по дорогам,
как блудный, отбившись от рук.
Суди, Беларусь, меня строго
за долгие годы разлук.

Я каюсь.

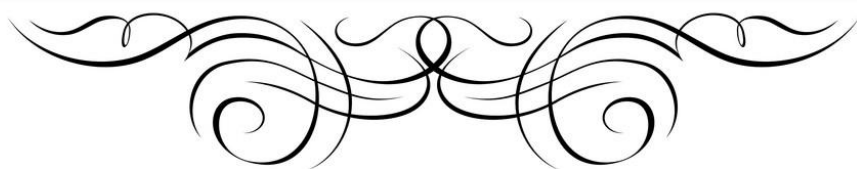
Люблю тебя нежно.
Прости. Меня мучают сны
за то, что в тоску Заонежья
пришёл я от ясной Дисны.

Мне лет календарных немало...
А жизнь —
как состав под уклон.
Прими, Беларусь, сквозь туманы
мой низкий сыновний поклон.

27.08.1976 г.

Дороги Браславщины

ДОРОГИ БРАСЛАВЩИНЫ

Митрофану Николаевичу
Башлакову

1. ПРИЕЗД

Я с поезда слез в Давгавпилсе
и ночь всю провёл на вокзале,
но в очередь раннюю влился
в открытом автобусном зале...

Дождём затуманились стёкла.
Тоскливо осенним рассветом.
От ливней дорога намокла,
и ноги застыли при этом.

Две ночи бессонные сжали
виски и смыкали мне веки;
навстречу деревья бежали,
мелькали озёра и реки.

И было отрадно и грустно
при виде родного пейзажа:
на мокрых полях уже пусто,
и лес – словно вымазан сажей.

Вперёд уходила дорога,
плескались по лужам покрышки,
но в сетке ветвей из-за стога
мелькнули браславские крыш...

2. ДОРОГИ БРАСЛАВЩИНЫ

Дороги вы наши,
дороги,
дороги земли белорусской!
Какие катились тревоги
по вашим извилинам узким!?

Вам памятны чёрные ночи
в лихие военные годы,
когда партизанские взводы
лежали в лесах у обочин.

Незваных гостей поджидали

и били фашистов умело,
и насмерть в блокаду стояли,
не дрогнув, за правое дело...

Вы помните всё,
                                    не забыли;
погони, бои, отступления,
и двигалась сила на силу
и шли в небытие поколенья.

Копытили польские кони
вас горестно тихих веками,
и гвардия Наполеона,
взбивала песок рысаками.

Скакали гусары Баркляя,
каратели шли Муравьёва;
дороги Браславского края,
о вас я веду своё слово!

В Дрысвятах,
                                    на землях придвинских,
запомнили старые сосны:
решительный Михал Огинский
уехал дорогой откосной...

По тракту от Видз на Поставы,
июньским ночным звездопадом,
сметая посты и заставы,
шёл в Польшу Вавжецкий с отрядом.

И помнят Эмилию Плятер
дороги Браславщины, помнят,
как девушка с норовом хвата
кричала уланам:
                                    «по коням!»

И годы катились и даты
событий великих и малых.
И шли по дорогам солдаты,
в каретах тряслись генералы.
И Ельский водил тут повстанцев
и выстрелы в рощах звучали...
Но пряталось жёлтое солнце
за те же, за синие дали.

И только знакомые всхлипы
сновали немало столетий:
тележные жалкие скрипы —
печальные гимны на свете.

О них уже песни пропеты,
рассказаны сны на ночлегах,
и новые песни поэты
слагают о новых «телегах».

Гудят по дорогам машины,
поют в унисон с проводами,
и новые звонкие гимны
плывут теперь вдаль над полями.

И новые встали дороги,
добротным асфальтом одеты;
и дел настоящих итоги
оценят по должному в этом...

3. ОСЕННЕЕ

В сонном шелесте утро
приходит лениво.
Ветер медными листьями
тропы устлал.
Этим временем хмурым,
порою дождливой,
осень тихую грусть
по лугам разнесла...
В дали потухает
негреющим пламенем
опустевших полей
наболевшая синь.
Разгорается осень
оранжевым знаменем
на притихших берёзах
и кронах осин.

4. КРАЙ ОЗЁРНЫЙ

Лес стоит заправский.
В соснах – звуки струн.
Край ты мой Браславский,
как ты нынче юн!
Край ты мой озёрный,

сине-голубой.
Разгорелись зори
ярко над тобой.

А у крыш пылает
киноварь рябин.
Вечер угасает
в шёлке паутин.

На дубах седины
серебром звенят.
Закружил осины
жёлтый листопад.

Месяц прячет в лозы
свой белёсый рог.
Факелы – берёзы
светят у дорог.

В сумерках застыла
леса синева,
и тропу покрыла
охраю листва.

Осень,
        моя осень,
золотой разлив!
У браславских сосен
радостный мотив.

5. ЭТЮД

Идёт уже вспашка под озимь
стерневых полей за селом.
И машет мне издали осень
седым журавлиным крылом.

Как будто от холода ёжась,
наморщилась рябью река,
и пью я воздушную свежесть,
как воду пью из родника.

Дорога вливается в просинь,
теряется ниткой вдали.
Наносит мозаику осень
на тёмные пятна земли.

6. НА МОГИЛЕ ВАВЖЕЦКОГО

В небольшом местечке Визы, Браславского района на Витебщине, находится могила польского генерала Томаша Вавжецкого, депутата сейма, сподвижника и соратника польского национального героя Тадеуша Костюшко. Могила в запущенном состоянии.

С кустов сирени падает роса —
роняет осень на прощанье слёзы.
Забывшую могилу без креста
оплакивают старые берёзы.

Они блестят на солнце сединой,
в кон войны я их другими видел...
И вот, подхлестнут отпускной волной,
я нынче снова оказался в Видзах.

Могилы мне, конечно, не узнать;
двор магазина с тишиной мертвецкой...
Но в грудке камней – той эпохи стать,
тут похоронен генерал Вавжецкий.

Когда-то и его любил народ,
и знали все окрестные избушки.
Из Видз родных он уходил в поход,
и руку крепко жал ему Костюшко.

Повстанческие пёстрые полки
шли в бой жестокий за свою свободу,
но царские щетинились штыки
перекрывая все пути к отходу.

Варшава пала.

Пенилась волной
кровавой позади уже Пилица.
Так навсегда покончил он с войной;
со всех сторон – одни чужие лица...

Вначале плен.

Но горькую струю
потом ещё направила опала.
Когда он умер, то в родном краю
похоронили скромно генерала.

В кустах сирени высохла роса —
растаяли под полдень тучи-грозы.
Забывшую могилу без креста
оплакивают старые берёзы.

7. ПРОВОДА

Провода,
                    провода,
                                    провода
паутиной сникают вдали
и поют, и гудят, как всегда,
в снегопад и в июльской пыли.

Верстовые столбы у дорог,
перекрёстки на ровном пути.
Я смотрю теперь вдаль без тревог
и по тракту мне легче идти.

Тает в рощах качнувшийся дым,
и осины в тумане плывут.
С этих мест я ушёл молодым
и забыли меня уже тут.

Я теперь вспоминаю те дни, —
партизанскую юность свою,
и привальные наши огни
и товарищей, павших в бою.

С кем ходил я суровой тропой
по лесам в сорок третьем году,
с кем по мирной дороге прямой
я сегодня уже не пройду.

Ведь пути мне в минувшее нет,
навсегда он надёжно закрыт.
За спиной красный солнечный свет
светофором под вечер горит.

Не померкнет ушедшего тень;
У контор и в колхозных садах
обелиски воздвигнуты тем,
кто с войны не придёт никогда.

А столбы мне навстречу идут
и мне чудится тут на путях,

что шопеновский старый этюд
Всё звучит без конца в проводах...

Молча слушает ельник вдали
и блаженнее стала земля,
но грустят под мотив журавли,
и берёзы в стерневых полях.

К новым целям нас годы зовут
после прожитых слёз и тревог,
и гудят,

и звенят,

и поют

провода на столбах у дорог.

1972 – 1976 гг.

Генерал Барклай де Толли стоял со штабом в Бельмонтах в 1812 году.

Генерал Муравьёв – начальник карательной экспедиции.

Михал Огинский – известный польский композитор, владелец
имения в Дрысвятах.

Томаш Вавжецкий – польский генерал, соратник Тадеуша Костюшко.
Похоронен в Видзах.

Эмилия Плятер – девушка полячка, командир повстанческого отряда
в 1830 году.

Йодко-Ельский – руководитель восстания в 1863 году на
Браславщине.

Содержание

Я болен грустью журавлиной	4
Просто о себе	5
Белоруссии	9
ИЗ ПОЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ	10
Прощение с Родиной	11
Марш Домбровского	14
Адам Мицкевич в Видзах	15
Матейко	19
Монюшко	21
Ветстерплатте	22
За дружбу!	24
МОЕЙ РОДИМОЙ СТОРОНЕ	25
В моей родимой стороне	26
Былое	27
Время года	28
О детстве	29
В кузнице	31
Из прошлого	32
Ходили нищие просёлками...	33
Давно в деревне это было...	35
Первый учитель	36
На пастбище	37
Учительнице	38
Письмо Леониду Климзе	39
Михась Машара	40
Пялики	41
Снеги	42
Белый двор	44
Березы	45
На старой дороге	46
Две деревни	48
Осень над кушталскими полями	50
На сельском кладбище	51
Корница	52
В Иодах	53
Я помню сельские привычки	54
Лето	56
Тропинки детства	57
Сельские этюды	58

В отпуске	59
На родине	60
Дубники	61
Родные дали	62
Юдыцинские деревни	63
Амбросенки	64
Зима в Шарковщине	65
Март	67
Над рекой Янкой	68
Осень в Шарковщине	69
Возвращение в молодость	70
Дисна	71
В деревне	72
Жизнь в искусстве	74
Районная газета	75
Письмо землякам	76
Твой путь	77
Сыновний поклон	79
ДОРОГОГИ БРАСЛАВЩИНЫ	80
Дороги Браславщины	81